

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЛМЫКОВ И КУБАНСКОГО СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ: ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ПОГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (середина — вторая половина 1720-х гг.)*

Сень Дмитрий Владимирович¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются актуальные вопросы биографии кубанского султана Бахты-Гирея, а также его отношений с калмыцкими элитами и с ногайцами — представленных на фоне политических усобиц как в Крымском ханстве, так и в Калмыцком ханстве середины — второй половины 1720-х гг. На основании новых данных сделан акцент на стратегическом характере взаимоотношений калмыцких элит и крымского царевича, на заметной роли калмыков в попытках Бахты-Гирея Дели-султана упрочить свое положение в ногайских (кубанских) владениях Гиреев и даже за их пределами.

Ключевые слова: Бахты-Гирей, Дондук-Даши, Дондук-Омбо, Калмыцкое ханство, Крымское ханство, Кубань, набеги, ногайцы, нойоны, Османская империя, Россия, Церен-Дондук.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, в свете новейших исследований [Грибовский, Сень 2012; 2013; Сень, Грибовский 2015]** стало очевидным, что политическая биография султана Бахты-Гирея органично вписывается в контекст нескольких больших тем, позволяя актуализовать многие важные аспекты в их изучении. Среди них — история русско-крымско-османского пограничья на Юге и разнообразных реакций конформизма/сопротивления местного населения на установление так называемых линейных границ нового (европейского) типа; эволюция

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

** С 2016 г. автор данной статьи исследует жизнь султана Бахты-Гирея без соавторства с В.В. Грибовским.

набеговой системы Крымского ханства в новых исторических условиях [Артамонов 1985: 71–88; Сень 2016а: 54–59]; деятельность пограничных администраций России, Крымского ханства и Османской империи по соблюдению «нового пограничного порядка» и контролю над трансграничным и незаконным (с точки зрения империй!) перемещением местных сообществ.

Во-вторых, актуально определить новые перспективы в источниковедении истории элит Крымского ханства, или так называемых «Гиреев второго плана» [Сень 2016б: 457–473] — на примере султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, обладавшего правами на крымский престол и сыгравшего заметную роль в политической истории не только Крымского ханства, но и народов Северного Кавказа, а также Калмыцкой степи. Дело в том, что документальные источники об этом человеке, успевшем побывать в сане и нурадына, и калги, а также в статусе «самовольного» и «действительного» султана на Кубани, отложились в фондах нескольких российских федеральных и государственных архивов: за последние годы в них обнаружено и введено в научный оборот значительное количество источников. Наибольшим эвристическим потенциалом обладают документы, выявленные в фондах следующих российских архивов:

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (г. Москва);

ГАВО — Государственный архив Воронежской области (г. Воронеж);

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (г. Ростов-на-Дону);

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (г. Санкт-Петербург);

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва);

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).

Учитывая интерес, проявленный к личности Бахты-Гирея крымскими и османскими властями, правомочно ставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме, обозначенный в нашей статье 2016 г. Турецкие архивисты опубликовали несколько лет назад сборник документов по истории Крымского ханства, в том числе о деятельности Бахты-Гирея за 2-ю пол. 1720-х гг. [Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı 2013: 127, 129]*. Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции — *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, Istanbul) содержат многие другие документы о Бахты-Гирее и его жизнедеятельности. Недаром имя этого султана неоднократно упо-

* Выражаю благодарность к.и.н. И.А. Мустакимову за их перевод.

минается в подробном обзоре документов из нескольких фондов ВОА по истории Крымского ханства, относящихся к переписке турецких султанов с крымскими ханами [Desaive 1972: 566, 569, 570, 571]. Значение таких документов трудно переоценить: содержание султанского *наме-и-хумаюн* позволило, наконец, не только документально подтвердить пребывание Бахты-Гирея в сане калги [Desaive 1972: 566], но и определить максимально точную на сегодня дату назначения его калгой-султаном — в сентябре 1710 г. [Desaive 1972: 566]. Вместе с тем, была подтверждена и уточнена наша с В.В. Грибовским гипотеза о времени назначения Бахты-Гирея калгой, высказанная на основе изучения других источников — в период между второй половиной сентября 1709 г. и началом лета 1711 г. [Грибовский, Сень 2013: 102].

В ходе многолетней архивной эвристики выяснилось, что разные этапы жизненного пути султана Бахты-Гирея получили заметное, в силу объективных причин, отражение в документальных источниках. К примеру, российские власти целенаправленно собирали информацию о султанине Бахты-Гирее. Сам же султан, активно влияя на русско-крымско-османские отношения, регулярно давал немало информационных поводов для включения разнообразных сведений о себе в российскую делопроизводственную документацию. Хронология подобных источников, созданных уже при жизни Бахты-Гирея, охватывает период 1700–1729 гг.

Сегодня, в результате работы с документами Национального архива Республики Калмыкия (далее — НАРК), появились аргументы для уточнения авторского мнения о том, что *«ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме»* [Сень 2016б: 464]. Полагаем, что проблематично выйти на новый уровень решения исследовательских задач, а также обобщения уже накопленного наукой материала, без обращения к новым документальным источникам по теме калмыцко-ногайских и калмыцко-крымских отношений, а также роли калмыков в военной и политической жизни Дели-султана и в жизни всего южного пограничья. Весьма содержательны в указанном отношении документы фонда И-36 («Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе») НАРК. Это, главным образом, российская делопроизводственная документация XVIII в. — как оригинальная, так и копия (отпуска), адресатами и адресантами которой выступали многочисленные представители российских властей (генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын, астраханский губернатор А.П. Волынский, астраханский обер-комендант М.И. Чириков, а также такие несомненные знатоки «калмыцких дел», как В.П. Беклемишев, Д.Е. Бахметев, его сын И.Д. Бахметев и др.), видные представители калмыцких элит — ханша Дармабала, нойоны Дондук-Омбо, Церен-Дондук, Дондук-Даши, духовный лидер калмыков-буддистов Шакур-лама и др.

В ряде случаев именно такие документы «с мест» становились необходимой основой для информирования высшего российского руководства, а также Коллегии иностранных дел о регулярно меняющейся (в том числе в связи с «подрывной деятельностью» в южном пограничье Бахты-Гирея) обстановке в калмыцких улусах, для выработки имперскими властями новых решений на «калмыцком» и на «крымском» направлениях восточной политики России. Эти документы (а их выявлены десятки!) существенно расширили наши представления о жизни султана Бахты-Гирея и в 1720-е гг., и в более раннее время, о его претензиях на захват власти в Крыму и, вместе с тем, о действиях султана по закреплению своей *неформальной* власти на Кубани; о географии его походов и составе их участников; о контактах султана с калмыцкими элитами, с полиэтничным населением Северного Кавказа и, прежде всего, Кубани; о формах и методах «нейтрализации» Россией мятежного султана, и пр. Исследователям темы также стоит обратить внимание на документы о султанине Бахты-Гирее, отложившиеся в фонде Р-145 («Пальмов Николай Николаевич»), в том числе выявленные этим выдающимся ученым в центральных архивах страны в первой трети XX в.

В-третьих, по-прежнему актуально исследовать комплекс причин, позволивших Бахты-Гирею обрести огромное и долгосрочное влияние на дестабилизацию обстановки в степном порубежье, в том числе путем эффективного использования им своей неофициальной власти. Почти всегда Бахты-Гирей сталкивался с недостатком ресурсов в ходе подготовки и осуществления своих масштабных планов и почти всегда успешно решал подобные проблемы, талантливо привлекая к своим военным и иным акциям представителей разных сообществ и групп, в том числе азовских бешлеев, казаков-некрасовцев, калмыков, кабардинцев, ногайцев, черкесов и др. В новых исторических условиях султан Бахты-Гирей безнаказанно позволял себе то, что уже не позволяли себе открыто ни крымские ханы, ни их официальные представители: совершать успешные и богатые «добычей» походы, либо создавать для своих подданных, недовольных «новым пограничным порядком», необходимые условия для продолжения набегов.

По сути, султан был последним крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, которому удавалось проводить набеги без санкции государственной власти в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на Юге линейных границ. Следовательно, актуально выяснить, каким образом авторитет неофициальной власти Бахты-Гирея оказался связан с традиционным для степного порубежья образом жизни его пестрого населения: с организацией набегов на земледельческие территории и с поддержанием сложной системы реципрокций (практик обмена дарами и услугами), в которую добровольно-принудительно вовлекались

элиты и рядовое население местных пограничных сообществ. Особенно интересным и показательным в данном отношении предстает опыт многолетнего взаимодействия султана Бахты-Гирея с калмыками. Неслучайно многие жизненные проблемы и стратегии калмыков 1720-х гг. соотносились с тем привычным для Калмыцкой степи выбором социального поведения, который одним из немногих военных лидеров предлагал именно он, и который все реже осмеливались инициировать хан Аюка и калмыцкие нойоны.

В новейшей российской историографии имеются основательные исторические работы [Батыров 2006; Очиров 2002; Цюрюмов 2007], в которых часть документов из фондов И-36 и Р-145 НАРК введена в научный оборот. При этом, В.В. Батыров впервые в исторической науке попытался исследовать взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея, почти целиком опираясь на архивные документы из фонда И-36 НАРК. Ему же принадлежит аргументированная мысль о связи идеального образа Бахты-Гирея, как воина и правителя, с другими факторами его массовой поддержки калмыками. У.Б. Очиров высказал мнение о том, что именно благодаря Бахты-Гирею произошел кардинальный перелом во взаимоотношениях между калмыками и ногайцами, а также справедливо указал на схожесть их некоторых культурных характеристик. Правда, он несколько модернизировал, на наш взгляд, направленность военно-политического союза калмыков и Бахты-Гирея, якобы направленного на создание нового государства — «калмыцко-ногайского ханства» [Очиров 2002: 81]. А.В. Цюрюмов справедливо обратил внимание на роль «кубанского фактора» в усобицах калмыцкой знати 1720-х гг., а также на связь тогдашних событий с последующей откочевкой на Кубань части калмыков в начале 1730-х гг. [Цюрюмов 2007: 199–217]. В.Т. Тепкеев постарался выявить роль и место султана Бахты-Гирея в эволюции калмыцко-крымских, калмыцко-кабардинских, калмыцко-кубанских отношений 1710-х — первой половины 1720-х гг., опираясь на выявленные им новые документальные источники не только из фондов федеральных архивов, но и из НАРК [Тепкеев 2018а; 2018б; 2018в]. В частности, им удачно показан противоречивый характер отношений между Бахты-Гиреем и ханом Аюкой, а также между Бахты-Гиреем и старшим сыном Аюки — Чагдорджабом.

1720-е гг. занимают особое место как в политической биографии Бахты-Гирея Дели-сутана, так и в истории его взаимоотношений с калмыками. Калмыцкие элиты заметно активизировали свои связи с мятежным султаном после смерти хана Аюки в 1724 г. К слову, при Аюке Бахты-Гирей и конфликтовал с калмыцкими элитами, и мирился с ними. Наиболее заметной здесь для него и для калмыков стала кампания 1717 г. по возвращению с Кубани едисанцев и джембуйлуковцев (енбулуков), ханских подданных [Очиров 2002: 79; Батыров 2006: 40], в ходе кото-

рой быстро стали налаживаться отношения между старшим ханским сыном — Чагдорджабом и Бахты-Гиреем. Отписки казанского губернатора П.С. Салтыкова царю Петру I от 14 февраля 1717 г. (по сведениям астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова) позволяют узнать, что Чагдорджаб виделся с Бахты-Гиреем «*по сую сторону Кубани в урочище в кубанском городке Мажоре*» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1]. Чагдорджаб помог Бахты-Гирею разгромить хатай-кипчаков, выступивших на стороне противника Дели-султана — калги Менгли-Гирея, и вывел с Кубани часть едисанцев и джембуйлуковцев. Чагдорджаба устраивала перспектива политического сотрудничества с Бахты-Гиреем: возможно именно этим был продиктован его отказ кабардинцам напасть совместными силами на Дели-султана [Кабардино-русские отношения 1957: 19]. Вероятно, двух лидеров связывало нечто большее, чем получение выгоды от временного военного союза, хотя «неровный» характер их взаимоотношений периодически давал о себе знать [Тепкеев 2018а: 280].

При этом мы скептически относимся к известию русского источника о том, что Чагдорджаб был женат на сестре Бахты-Гирея — вдове якобы черкесского владельца Бургун Кучюка [Тепкеев 2018а: 284]. Насколько известно, Девлет-Гирей II, отец Бахты-Гирея, не поддерживал тесных отношений ни с черкесами (т. е. с западными адыгами), ни с кумыками. Наконец, В.М. Бакунин, другой осведомленный современник описываемых событий, ничего не пишет о родстве этой девятой жены Чагдорджаба с Дели-султаном, а лишь замечает, что она была вдовой *брагунского* владельца Кучюка, проживая неподалеку от казачьего Щедрина (точнее, Шадринского) городка, к которой Чагдорджаб приезжал по зимам [Бакунин 1995: 34]. Полагаем, что речь идет об одном и том же человеке, которого можно соотнести с представителем кумыкских элит (вероятно, из рода Таймазовых, являвшихся князьями/владельцами в Брагунах на Северо-Восточном Кавказе). Наша гипотеза находит определенное подтверждение в исследовании А.С. Шмелева [Шмелев 2004]*. Так, 4 мая 1693 г. яицкие казаки общались со слов посланцев хана Аюки, что калмыки ходили «войною» на владение Чеполова и «*...их де всех разорили и к себе во владенье побрали и ныне те люди у них в улусех и кочуют с ними вместе*». Бежавший вскоре после этого от калмыков башкир уточнил данную информацию. Нападение калмыков, как выяснилось, было совершено на Брагунское владение, причем хан Аюка, оправдываясь перед Москвой, заявил, что не знал о том, что *брагунский Кучук-мурза* — российский подданный. Если верить хану, то калмыки вернули Кучук-мурзе пленных. 28 марта 1694 г. хан Аюка сообщал в своем письме, что Кучук брагунский взял с собой «*...восемьсот юрт людей, отъехал от нас и подался на Терках*» царю «*в вечное холопство*» [Шмелев 2004: 234].

* Автор выражает благодарность к.и.н. Ю. Идрисову, указавшему нам на данную работу А.С. Шмелева.

По данным 1724 г., хан Аюка «в прошлых годах» лично отправил на Кубань к Бахты-Гирею своих 40 человек, «которые Бакта-Гирею султану в разорении российских деревень и предводителми были» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 219–219об.]. Причем эти калмыки (если речь в более позднем документе шла о той же самой группе) проживали после указанных событий при Бахты-Гирее [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 286]. Тот же Аюка, связанный с Бахты-Гиреем тайным уговором, не оказал ему ни малейшего сопротивления при осуществлении набега в 1717 г. на территории Пензенского и Симбирского уездов [Бакунин 1939: 202]. Летом того же года состоялся масштабный набег Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, в котором принимали участие кубанцы, азовские бешлеи, некрасовцы и калмыки. Более того, на уровне ханской власти калмыки отказались помогать российским властям в преследовании Бахты-Гирея. В одном из документов НАРК говорилось, что это было сделано калмыками сознательно — в память о том, как российские власти не оказали помощи калмыкам хана Аюки, разбитого под Астраханью Бахты-Гиреем в 1715 г. (см. у В.Т. Тепкеева новые данные об этой военной кампании [Тепкеев 2018а: 255–259]). Известно о противоречивых и даже о недружественных поступках хана Аюки в отношении Бахты-Гирея [Тепкеев 2018а: 274, 278, 282, 295] и, вместе с тем, об их взаимоотношениях как «названного отца» и «названного сына» [Тепкеев 2018а: 327, 339]!

Мы не согласны с В.Т. Тепкеевым в том, что активная деятельность Бахты-Гирея на Кубани «заставила калмыков искать более тесные связи с Россией» [Тепкеев 2006: 39]. Напротив, Аюка и Чагдорджаб вели по отношению к своему российскому сюзеру двойную дипломатию. С одной стороны, в условиях наметившегося витка новых усобиц в Калмыцком ханстве стареющему Аюке поддержка России была очень желательной. С другой стороны, «ничейное» подданство Бахты-Гирея являлось отличным прикрытием для продолжения набегов на российские и другие окраины, что в начале XVIII в. еще являлось обычной практикой для калмыцких элит, как и для других, близким им, пограничных сообществ. К тому же примирение с Бахты-Гиреем не давало возможности противникам усиления ханской власти в Калмыкии использовать его в своих интересах, поскольку Аюка с трудом удерживал контроль в Калмыцком ханстве, включая конфликтное пространство внутри своей многочисленной семьи. Кроме того, Дели-султан являлся привлекательной фигурой для тех политических сил Калмыцкого ханства (собственно говоря, и не только этого ханства — почему многие реакции калмыков на действия «ребелизанта» Бахты-Гирея представляются типичными для населения степного порубежья), которые противодействовали тревожному и «убыточному» для себя процессу стабилизации границ.

Наконец, калмыки понимали, что Бахты-Гирей играет не последнюю роль в решении исключительно острой для них проблемы: возвращению контроля над ханскими подданными — едисанцами и джембуйлуковцами. Так, еще в декабре 1726 г. ханша Дармабала при встрече с российским представителем А. Нечаевым резко отозвалась в том смысле, что им *«за свое как не стоять, только де они виноваты не будут»*, если заберут с Кубани едисанцев и енбулуков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 113]. Между тем, Россия активно предпринимала меры, направленные на удержание ногайцев на российской территории и на противодействие их миграциям на Кубань. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору А.П. Волынскому, чтобы *«джетысаны и джембулуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам»* [АВПРИ. Ф. 127. Оп. 1. 1754 г. Д. 1. Л. 4об.]. Исполнение царского указа губернатор поручил подполковнику В.П. Беклемишеву.

Жесткие условия российских властей нашли отражение в присяге калмыцких владельцев 1724 г. Калмыкам полагалось никаких «татар» в улусах своих не держать и ушедших «собою» без указа не возвращать: *«А когда позволено будет и отданы будут, то особливими улусами не отнюдь держать, но раскосовать всех врознь...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 201об.]. Но оказалось, что в распределении ногайских семей по калмыцким улусам не был заинтересован Чагдорджаб, который все больше превращался в единоличного правителя Калмыцкой степи. Будучи женат на ногайке Хандазе, он, как указывает В.М. Бакунин, состоял через нее в свойственных отношениях с кем-то из едисанских или джембуйлукских мурз, пользуясь их поддержкой. Не менее существенно и то, что он контролировал сбор налогов с указанных ногайских групп [Бакунин 1995: 33]. В феврале 1722 г. Чагдорджаб умер, оставив завещание о том, чтобы ногайцы были разделены между его семью сыновьями. В 1724 г. умер хан Аюка, после чего в Калмыцком ханстве разразилась новая волна усобиц [Бакунин 1939: 204–205], которая привела к очередной дестабилизации ситуации на южном порубежье. Например, ногайцы стали массово откочевывать на Кубань к Бахты-Гирею.

Заметим, что крымский хан Саадет-Гирей постарался как можно скорее перевести в Крым ногайцев, бежавших на Кубань во время калмыцкой усобицы еще в последние годы жизни хана Аюки, чтобы не допустить чрезмерного усиления Бахты-Гирея*. Для их переправы в 1723 г. из Крыма был направлен нурадын-султан с 5-тысячным вой-

* Пленные из Крыма, *«вышедшие»* на российскую сторону, рассказали 11 сентября 1723 г. в Бахмутской канцелярии о слухах насчет движения *«во время жатвы хлеба»* из Крыма через Тавань *«орды великой»*, направлявшейся на Кубань *«на Бахты Гирей Салтана»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 179об.] Вероятно, тогда Бахчисарай был больше озабочен ликвидацией общей напряженности на Кубани и «смирением» кубанцев [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 199об.].

ском. Но крымцам удалось переправить через Тамань только ногайцев кипчакского эля и около 1 тыс. едисанцев. От кипчаков отошли хатаи, которые вместе с едисанцами и джембуйлуковцами в общем количестве до 10 тыс. кибиток откочевали к Азову. Таким образом, по сообщению астраханского губернатора А.П. Вольнского, Бахты-Гирей остался в местечке Копыл *«вне силы»* [Кочекаев 1988: 133]. Неслучайно Бахты-Гирей вскоре стал уговаривать отошедших к Азову хатай-кипчаков вернуться на Кубань, *«обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит. И в том им обещается присягою, на что-де они склоняютца»* [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206]. Известно, что осенью 1724 г. в причерноморскую степь *«с салтаном Бахтигереем пришло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»* [Эварницкий 1903: 1110]. Бегство ногайцев от калмыков продолжались и в 1725 г. [Курбанов 1995: 25].

Калмыки активизировали свои набеги на Кубань, а также усилили прочие связи с кубанским регионом, тоже начиная с середины 1720-х гг. Обращает на себя внимание, что это происходило в ходе обострившейся борьбы за власть среди калмыцких элит — даже после того, как совместно с российскими администраторами решился непростой вопрос о наместнике в ханстве, которым стал Церен-Дондук. Таким образом, набеговая активность калмыков на кубанском направлении была связана не только с попытками увести оттуда едисанцев и джембуйлуковцев, но и с другими «прагматическими» основаниями, отчасти подогреваемыми султаном Бахты-Гиреем. Уже 1725–1726 гг. отмечены походами на Кубань калмыков Церен-Дондука и других владельцев, в ходе которых калмыками угонялся скот, а однажды они разбили *«меж Азова и Кубани сто арб торговых татар»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 160].

Подчеркнем, что чуть раньше, в 1723–1724 гг., калмыцкие элиты также предпринимали активные действия, пытаясь завязать (развить?) контакты с Бахты-Гиреем, на что в науке раньше обращалось недостаточное внимание. Мотивация поступков нойонов была различной: начиная от попыток напрямую решить с Бахты-Гиреем вопрос о возврате едисанцев и джембуйлуковцев до выстраивания ими собственной линии поведения в отношениях с кубанцами и с Бахты-Гиреем. Так, еще зимой 1723 г., во время *«замешания»* у калмыков, нойон Досанг отправил на Кубань к Дели-султану своего посланца [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 302–302об.]. По некоторым данным, Бахты-Гирей, собрав войско, якобы намеревался увести на Кубань из улусов оставшихся там едисанцев и джембуйлуковцев. Другой калмыцкий владетель тоже отправил своего посланца к Бахты-Гирею — а тот, в свою очередь, прислал своих людей для переговоров [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 303–303об.].

Подчеркнем, что корреспонденцией с Дели-султаном примерно в то же время стали обмениваться Дондук-Даши и Дондук-Омбо, что вызвало обеспокоенность многих знатных калмыков из улусов ханши Дарма-

балы, впрочем, также вступившей в контакты с Бахты-Гиреем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 310об.]. Подвластные ханше калмыки беспокоились, чтобы переписка Дондук-Даши и Дондук-Омбо не привела бы *«их калмыцкие улусы от кубанцов в разорение»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 310]. По данным от 1 октября 1724 г. едисанские мурзы выразили желание снова быть с калмыками и вернуться в улусы, заявив, что они ушли на Кубань, боясь разорения. В ответ на это Дондук-Омбо и Дондук-Даши отправили на Кубань своего человека договариваться об этом с Бахты-Гиреем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 232об.].

А ведь султан располагал различными основаниями и ресурсами для контроля за указанными группами, действуя не только в русле политики *«террора и устрашения»*, как категорично писал об этом В.В. Батыров [Батыров 2006: 39], а В.Т. Тепкеев недавно привел тот же устаревший тезис [Тепкеев 2018а: 266], несмотря на большое количество документальных источников, сообщающих о гибком подходе Дели-султана к управлению населением кубанского региона. Так, в 1724 г. ушедшие едисанцы и джембуйлуковцы *«восприяли себе в команду командиром»* родного брата Бахты-Гирея [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331об.]. Кроме того, взаимодействуя с потенциальными союзниками, Дели-султан активно использовал аманатство [Тепкеев 2018а: 268], договорные отношения и клятвы, раздачу подарков и обмен услугами, информацией, переписку, личные встречи.

Обратим внимание, что Бахты-Гирей тоже был заинтересован в развитии связей с калмыками, поскольку в 1723 г. у него произошла ссора с «татарами» (точнее, с одной из групп кубанских ногайцев), во время которой те убили младшего брата Бахты-Гирея. Султан, в свою очередь, лишил жизни нескольких хатай-кипчакских мурз [Фелицын 1904: 6; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206]. Новым «официальным» кубанским султаном, а, точнее, ханским наместником на Кубани, стал сын крымского хана Саадет-Гирея — его нурадын-султан Салат-Гирей, затем принимавший Бахты-Гирея в Копыле [Фелицын 1904: 7]. В.В. Батыров справедливо полагает, что Бахты-Гирей уделял большое внимание поддержке калмыков, и что он *«вступил в переговоры с ханшей Дарма-Балой и калмыцкими нойонами, прося сохранить “прежнюю приязнь”*» [Батыров 2006: 40].

Таким образом, мы установили, что 1723–1724 гг. можно считать временем заметно активизировавшихся и улучшившихся взаимоотношений наиболее влиятельной части калмыцких элит и султана Бахты-Гирея, что имело для каждой из сторон важные последствия. При этом, еще за несколько лет до описываемых событий какая-то часть калмыцкой знати (не считая хана Аюки) относилась к Дели-султану менее дружелюбно. Недаром калмыцкий посланец Денджин, прибывший в Астрахань 16 февраля 1721 г., дал следующую оценку отношению калмыцких

владельцев к Бахты-Гирею: *«Сердечного дружелюбия не имеют, кроме слов прелестных чрез своих людей, которые живут при нем, Бакты Гирее»* [Тепкеев 2018а: 297].

В 1724 г. Дели-султан поддержал мятеж крымских мурз во главе с могущественным Джан-Темиром (Тимуром) Ширинским против хана Саадет-Гирея, а затем выступил против другого своего дяди — Менгли-Гирея II (1724–1730 гг.), назначенного ханом по воле Стамбула. Переговоры Бахты-Гирея с калмыцкой знатью на время оказались прерваны... По сведениям калмыка Аритара, посланца Нитар-Дорджи, отправленного на Кубань к Салат-Гирею (в документе ошибочно — «Салди-Гирею») крымские жители *«взяли Бахты-Гирея в Крым для того, что хотят его в Крыме учинить... ханом»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331]. Сам же хан Саадет-Гирей, *«уведав про оное, уехал к турецкому султану»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331].

Данный сюжет необходимо осветить в том смысле, что вместе с В.В. Грибовским мы уже затрагивали малоизученный в науке вопрос о *возможных* претензиях Бахты-Гирея на ханский престол. Сегодня у автора статьи появились дополнительные аргументы в пользу данного мнения.

Во-первых, еще в 1717 г. фигура Бахты-Гирея рассматривалась разными силами в качестве претендента на ханский трон после смещения Каплан-Гирея и явной неудачи Порты с назначением нового хана в лице Кара-Девлет-Гирея. Часть крымской знати выступила за назначение на престол именно Бахты-Гирея: недаром к нему в Копыл в том же году прибыл Джан-Темир (Тимур) Ширинский. Правда, А.В. Цюрюмов и В.В. Батыров ошибались, утверждая, что приезд ширинского бея означал для Бахты-Гирея поддержку со стороны Крыма [Цюрюмов, Батыров 2006: 33]. Напротив, тогда с ним пытались договориться, предлагая стать и ханом, и калгой [Тепкеев 2018а: 273, 274]. Однако, на предложение Джан-Темира занять ханский трон Дели-султан ответил отказом, а калмыкам он сообщил, что официально получил Кубань *в свой удел*.

Ухудшение отношений между Россией и Османской империей, наметившееся к 1717 г., побудило Порту оказать Дели-султану определенные знаки милостивого отношения. Весной того же года в кубанский Копыл прибыл зять крымского хана (Саадет-Гирея?) Айтемир (Янтемир) Аджи, который передал, что *«турецкой салтан обещает его Бакты-Гирея пожаловать в Крым ханом»* [Материалы ВУА 1871: 312]. Однако, как сообщал источник, *«Бакты-Гирей в Крым на ханство не похотел, и Антемир... просил его, чтоб он принял Кубань и был на Кубане калгою салтаном»*. С последним предложением Бахты-Гирей согласился, отменив договоренность с ханом Аюкой и Чагдорджабом о совместном походе на кубанцев, поскольку он *«кубанцов и черкес и других принял»* [Материалы ВУА 1871: 312]. Другой источник уточняет, что в обмен

на согласие служить хану Айтемир-мурза *«прибавил»* чести Бахты-Гирею *«и назвал его калгою салтаном, и ныне де его Бакты-Гирея называют калга султан»* [Материалы ВУА 1871: 304].

Саадет-Гирей продолжил в 1717 г. политику разных уговоров Бахты-Гирея, направив к нему своего сына, с которым Дели-султан повел себя жестко [Материалы ВУА 1871: 308]. При этом толмач Б. Шаров, невольно оказавшийся свидетелем разговора двух султанов, привел такие слова ханского сына «Марак-Гирея»: *«...мене де хан не за тем к тебе прислал, што с тобою в Русь мне своих товаришеш давать; до тебе мене прислал де с любовию, што де ты хану нашему назвался сыном* (выделено нами. — Д. С.), *я де и сам у тебе в руках»* [Материалы ВУА 1871: 308].

Итак, к лету 1717 г., казалось, Бахты-Гирей снова был возведен в сан калги. Однако обратим внимание на одну существенную деталь. Его калгайство носило нетрадиционный, особый (разовый?) для Крыма характер, распространяясь *только* на Кубань: «официальным» же калгой на протяжении всего правления Саадет-Гирея являлся Сафа-Гирей [Le Khanat de Crimée 1978: 366], вероятно, приходившийся братом [Фидарова 2007: 38] правящему хану. Бахты-Гирей, конечно, осознавал специфику своего калгайства, сообщая калмыкам, что *«Кубань ведает он Бакты-Гирей по прежнему»*, и что *«Кубань стала быть по прежнему его»* [Материалы ВУА 1871: 311]. Формальной зависимостью от ханской милости Дели-султан, впрочем, не особенно дорожил, что видно из сообщения толмача Б. Шарова: *«А слушать де я Турка, ни Крыму, не хочу»* [Материалы ВУА 1871: 307]. Посланец черкасских князей Султан-Алий Абешев, приехавший в Санкт-Петербург в феврале 1718 г., весьма точно охарактеризовал действительно особый статус Бахты-Гирея следующими словами: *«Понеже Бахты-Гирей Дели-Салтан на Кубани салтаном учинился собою, и крымские ханы не хотят того, чтоб он тамо был, и возможно чаять, что он по николиком времени с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет...»* [РГАДА. Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 28–28об.].

Во-вторых, в 1724 г. ситуация в Крыму вновь привлекла к себе внимание амбициозного Бахты-Гирея, недавно подавившего мятеж хатай-кипчаков. Любопытно, что разные группы современников неоднозначно отреагировали на известия о новом «взлете» Дели-султана на пути к ханскому престолу. Так, кабардинцы (*«которые под протекцией турецкого султана»*), временно находившиеся на Кубани при Салат-Гирее, негативно отреагировали на известие от 15 декабря 1724 г. о том, что Бахты-Гирей якобы стал ханом. Из одного доношения на имя А.П. Волинского следует, что кабардинцы возвратились домой, заявив: *«Ежели де в Крыму Бакты-Гирей солтан учинился ханом, то де им под турецкою де протекциею быть невозможно»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331об.].

По сведениям за 20 октября 1724 г. от Бахты-Гирея к нойонам Дондук-Даши и Дондук-Омбо приезжали посланцы с сообщением, «*что поехал он по призыву в Крым*», поскольку крымцы Саадет-Гирея «*от себя выгнали, а его Бакта-Гирея принимают к себе на ханство. А Ноен де Омбу он Бакта-Гирей взял с собою в Крым*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 236–236об.]*. Затем документы фиксируют в ноябре 1724 г. пребывание Бахты-Гирея в Крыму «*в Вохнищах*», т. е. в местности на р. Салгир между Бахчисараем и Карасу-Базаром. Мятежники потерпели поражение — новым крымским ханом стал Менгли-Гирей. Мятежный султан вновь решился привлечь калмыков для борьбы со своими противниками, запросив военную помощь у Дондук-Омбо, Дондук-Даши и ханши Дармабалы. Как и в 1717 г., ногайцы стали «разменной монетой» (или даже козырной картой!) в реализации Бахты-Гиреем его амбициозных планов: он пообещал калмыкам вернуть с Кубани оставшуюся часть едсанцев и джембуйлуковцев [Батыров 2006: 41].

Итак, удалось выяснить, что в 1723–1724 гг., занявших особое место во взаимоотношениях калмыцких элит и Бахты-Гирея (обоснование см. выше), проявилась *еще одна характерная черта*: Дели-султан решился активно использовать военный потенциал калмыков в качестве важного ресурса для поддержания и укрепления режима своей личной власти, в том числе основанной на символическом капитале его культурного, политического и военного сотрудничества с местными пограничными сообществами. Важно обратить внимание на другое: калмыки *согласились* с таким положением вещей, причем авторитет Бахты-Гирея в калмыцком обществе стал быстро расти.

Причины столь примечательного явления стоит искать в разных основаниях (сакральное и профанное), находившихся, однако, в одной системе традиционных культурных ценностей калмыков.

С одной стороны, союз с Бахты-Гиреем был выгоден калмыцким нойонам. В условиях усиливавшегося контроля российских властей над кочеванием калмыков, включая переправу ими Волги с «луговой» стороны на «нагорную» и обратно, в условиях нового «пограничного порядка» и новых дипломатических договоренностей России и Османской империи, калмыки, как и ногайцы, по-прежнему стремились пересекать российско-османское порубежье, организуя столь необходимые и привычные им набеги, в том числе в целях захвата ясыря и отгона скота. Реализовать присущийномадам тип отношений, сложившийся между кочевыми и седентарными обществами, теперь можно было почти безнаказанно и максимально успешно, действуя с территории едва ли не

* См. в том же деле л. 310 об.: о смещении с крымского престола дяди султана Бахты-Гирея — Саадет-Гирея, ошибочно названного Салат-Гиреем и о призвании крымцами на престол Каплан-Гирея. О той же ситуации написано в письме Церен-Дондука [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 291об.].

одной только Кубани, имея известные обязательства по отношению к Дели-султану.

С другой стороны, калмыки и другие современники активно приписывали Бахты-Гирею многочисленные комплиментарные характеристики, связанные с его высоким для номадов статусом воина, предводителя, лидера, обладающего необычными способностями. Харизматичная фигура удачливого военного лидера быстро завоевала авторитет и известное доверие среди калмыков. Согласимся с В.В. Батыровым, обратившим внимание на подобные оценки и полагающим, что Бахты-Гирей являл собой для калмыков «идеал воина-кочевника» [Батыров 2006: 43, 50]. Вновь вспомним о соответствующем прозвище султана — «Дели-султан», данным ему современниками за непредсказуемый характер, и не вполне верно трактуемом европейскими авторами, как «бешеный», «безумный» султан. По всей видимости, современники Бахты-Гирея — крымские татары, ногайцы, калмыки, адыги — вкладывали в прозвище султана иной смысл. К примеру, крымскотатарский хронист Халим-Гирей писал о Бахты-Гирее как о человеке, *прославившемся* в народе под прозвищем «Джихан Дели», тут же, правда, назвав царя Петра I «Дели Петро» (в переводе К. Усеинова на русский язык — «шаловой Петр») [Халим Гирай-султан 2008: 115]. Таким же «шаловым» («Дели») Халим-Гирей именовал крымского хана Крым-Гирея (1758–1764, 1768–1769) [Халим Гирай-султан 2008: 157].

В русле описанного выше характерного отношения калмыков к Бахты-Гирею интересно отметить другой нюанс. Все родовые группы калмыков имели свои отличительные этнические маркеры: «генеалогическая/родовая легенда, знак собственности (тамга, тавро), божества-покровители, клич (уран), сакральный цветовой маркер (өлгү)...» [Шараева 2017: 8]. К числу таких маркеров относились и легенды о родоначальниках и родовых нойонах, причем среди последних указывались, как правило, реальные исторические личности: Йовһн-Мерген, Мазан-Баатр, Митр-Дорж-нойон (Нитар-Дорджи), Бамбар и др. [см., напр.: Алексеева, Борманджинов 1999: 4]. Среди субэтнических калмыцких групп встречаются роды «мангатов», которые, по мнению специалистов по калмыцкой этнографии, имеют татарское происхождение (слово «*маңһд*» переводится с калмыцкого языка как «татарин», «татарский»). При этом у мангатов, живших среди донских калмыков, родовым нойоном считался Бахты-Гирей (Бахта-Керетен) [Алексеева, Борманджинов 1999: 4]*. Вполне возможно, что калмыки приняли к себе какую-то ногайскую группу, откочевавшую с Кубани и ранее подчинявшуюся Бахты-Гирею (отбитую им ранее у калмыков?).

* Выражаем благодарность д.и.н. У.Б. Очирову за консультацию о мангатах и возможном нойонстве Бахты-Гирея, а также за предоставление текста столь редкого издания.

Такая гипотеза возможна еще и потому, что если рассматривать этимологию этнонима «*маңһд*» среди подобных, «*то они маркируют представителей тех национальностей, с которыми связывают возникновение группы: серки — черкесы..., маңһд — татары*» [Шараева 2017: 85]. При этом современники, конечно, могли именовать собственно ногайцев-тюрок «татарами», таких свидетельств достаточно много, например, в документах XVIII в. Любопытно отметить, что среди мангатских родов донских калмыков имелись роды «*хар-маңһд*» (ногайцы) и «*хасг-маңһд*» (казахские татары) [Алексеева, Борманджинов 1999: 17]. Не менее важно обратить внимание на присутствие в период XVII–XVIII вв. различных *тюркоязычных* групп в составе Калмыцкого ханства [Очиров 2008: 98–102], аккумулируя другие аргументы для верификации гипотезы о нойонстве Бахты-Гирея у мангатов именно в данном контексте.

Многие калмыки, судя по всему, отзывались о Бахты-Гирее самым положительным образом. Калмыцкая знать охотно завязывала с ним персональные связи. Нойон Дондук-Даши являлся названным братом Бахты-Гирея [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 196]. Весьма был дружен с Дели-султаном и наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. В 1726 г. калмыки убеждали российского представителя в том, что Бахты-Гирей прежде делал калмыкам «*добра... много, и ево де крымцам и россиянам отдать не можно...*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 112об.]. Удивительно на первый взгляд, но тогда же калмыки говорили, что если Бахты-Гирей перейдет к ним в улусы и станет чинить России обиды, то россияне пусть за это взыскивают с них, с калмыков! Шакур-лама утверждал, что «*...де он Бахти-Гирей человек великой, крымского хана сын...*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 163]. Калмыки же «*разглашали*» о том, что «*будто ево (Бахты-Гирея. — Д. С.) никто застрелить не может, и что во время боя стрелы, на него пущенные, плетью отбивает*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244]. Характерно, что для российского офицера подобная информация оказалась на вроде «басен», реплика о чем нашла отражение в тексте соответствующего документа: «*...разглашают басни [как знатныя, так и протчия]*». Скорее всего, фрагмент источника, заключенного в аутентичные для времени его составления скобки, можно отнести не к составу «басен» о султанине Бахты-Гирее, а к *социальным и количественным* характеристикам калмыков, распространявшим о нем подобные известия.

Сомнительно полагать, что султан ничего не знал о подобной информации, и что он никак не участвовал в создании образа, столь привлекательного для пограничных сообществ с их развитой воинской культурой. Именно в таком ключе мы рассматриваем малообъяснимый, на первый взгляд, поступок Бахты-Гирея, однажды *отпустившего* трех калмыков, нанятых по совету донского войскового атамана А. Лопатина

для его убийства. Приехав из Черкаска к Бахты-Гирею, калмыки *«весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря (т. е. одарив. — Д. С.), от себя отпустил (выделено нами. — Д. С.)»* [Бакунин 1939: 229]. Но, по сути, Дели-султан подарил незадачливым наемным убийцам наивысшую ценность — жизнь. Данный частный случай, кроме того, вписывается в пространство реципрокций, успешно «работавших» на общественный авторитет и на признание личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т. е. самого султана Бахты-Гирея.

Безусловно, славе Бахты-Гирея, тоже обеспечивавшей ему широкую поддержку парамилитарных сообществ, в том числе калмыков, способствовали многолетние и многочисленные удачные походы (набеги), которые он зачастую возглавлял лично. Современники не могли не видеть взаимосвязи между двумя данными обстоятельствами. Обращаем на это внимание еще и потому, что в первой половине 1720-х гг. Бахты-Гирею было за 40 лет, но он предпочитал (старался?) вести привычный кочевой образ жизни и, собственно говоря, продолжал «эксплуатировать» тот харизматичный образ удачливого предводителя, который формировался в течение нескольких десятилетий! Наконец, именно как воин он встретил смерть: столкнувшись в сабельном (конном?) бою с кабардинцами в 1729 г., приехав с крымцами и с кубанцами в Большую Кабарду *«с сераскер-султаном (своим родным братом. — Д. С.) и Аслам-беком (т. е. Рослан-беком Кайтукиным. — Д. С.) для взятия их, кабардинских владельцев, и перевезения со всем их владением в Крым»* [АВПРИ. Ф. 115. 1731–1732 г. Д. 2. Л. 137]. В заключение сюжета о формировании и осмыслении в культурной памяти калмыков образа Бахты-Гирея, необходимого для раскрытия темы, отметим, что он *«пользовался среди степняков большим уважением и авторитетом, о нем ходили легенды; его имя оставило след в калмыцком фольклоре»* [История Калмыкии 2009: 411]. Вероятно, под именем Байхтан-Эретына (Бахты-Каратына/Керетена) этот султан-чингисид вошел в сказочную традицию калмыков [Храбрый Мазан].

Бахты-Гирей тоже оказывал калмыкам многочисленные услуги, выделяя их среди других своих традиционных сторонников. Он активно развивал с ними практики обмена подарками и услугами (реципрокции), накопив на данном поприще огромный опыт, успешно конвертируемый им в отношения зависимости патронально-клиентельного типа, характерные для его связей с калмыками, ногайцами и частью адыгов. Истоки подобного опыта уходят корнями в рубеж XVII–XVIII вв., когда султан Бахты-Гирей только начинал создавать на Кубани систему реципрокций и дополнения своих ограниченных военных, пищевых, материальных и иных ресурсов. Азовский воевода С.Б. Ловчиков писал И.А. Толстому от 8 июля 1702 г. в Эдирне (Адрианополь): *«...И о сем, благодетелю моему, ведомо чиню: от кубанцов чинится многое воровство и под горы царского пресветлого величества, которые по Волге и до Саратова,*

также под городки донских казаков частые набеги чинят. А наипаче из них калмыцкие мурзы новокрещенные, которые, изменя царскому пресветлomu, отъехали на Кубань и воруя горши всех. И поakaет им всем Бахтигирей салтан кубанской, и на воровство их посылает, и лошади свои дает. Так же китат (sic! — Д. С.) кипчаки многое озорничество чинят, и пишут сами, что салтану кубанскому не судимы» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 151об.–152]*. Щедрость и удачливость Дели-султана, к слову, всегда ускользавшего от врагов, тоже были порукой в налаживании его системных связей с номадами и с другими пограничными сообществами. В той же связи мы рассматриваем дарения, к которым Бахты-Гирей неоднократно прибегал в обращениях с калмыками. Так, в одном из сообщений толмача Б. Шарова, предшествовавших набегу Бахты-Гирея на Россию летом 1717 г., говорилось: «А калмыкам султан льстит так и дарит весьма много» [Материалы ВУА 1871: 308]. Пытаясь расположить калмыков к участию в ставшем потом «знаменитым» набеге 1717 г., султан Бахты-Гирей «Калмыцким лутчим людем всем дал в подарки по коню» [Материалы ВУА 1871: 309]. Щедрый дар Дели-султана вызвал ответную реакцию: «И оные Калмыки, совокупясь, все пошли для воровства в Русь, с ним же Бахты-Гиреем султаном» [Материалы ВУА 1871: 309].

Конечно, реципрокции сами по себе не могли иметь исключительной силы (хотя являлись важнейшим фактором накопления лидером/вождем/предводителем необходимого ему социального капитала), но могли сопровождаться угрозами, впрочем, имевшими разные основания. Тот же источник сообщал, что калмыки отговаривались от участия в набеге, заявляя, что у них кони «худы», на что Бахты-Гирей ответил им угрозой: «Я... вас роздам по своих людах, десяти человеком своим людем калмыка одного, чтоб они его везли на подводах на своих лошадеях». А российскому посланнику Б. Шарову он сказал: «Я... надеюсь на [А]юку хана и на Четеря, калмык всех беру с собою **по своей воле** (выделено нами. — Д. С.)» [Материалы ВУА 1871: 308]. В ходе развития столь неоднозначных отношений калмыки стали связывать удачу во многих делах с благополучием и с жизнью Бахты-Гирея. Недаром российские власти считали почти невозможным нанять убийц из числа калмыков, которых можно было бы подослать к Дели-султану [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили российским представителям, что они стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «однако ж **зделали ползу** (выделено нами. — Д. С.), понеже Бакта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном. И тако ж с ними кубанцы, и... крымцы, и... турки помирились» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323].

* За предоставление документа благодарим к.и.н. П.А. Авакова.

В этой же части статьи, чтобы не возвращаться к сюжету о ханских амбициях Бахты-Гирея, отметим, что впоследствии Дели-султан не оставлял мыслей о захвате власти в Крыму, имея законное право стать ханом. Если судить по сохранившимся документам и их контексту, Бахты-Гирей рассчитывал после фактического захвата власти принудить Порту либо назначить его ханом, либо полагал необходимым все время «расшатывать» крымский трон, добиваясь тем самым упрочения своего положения на Северном Кавказе. Не исключено, что он был готов к реализации разных сценариев, живо реагируя на неоднократное обострение обстановки в Крыму в 1720-е гг. В 1727 г. калмыки отмечали, что Бахты-Гирей *«желает, согласясь с черкасы, Кубань завоевать и в Крым идти, и в Крыме б быть ему ханом, и кто де войною ему поможет, тому и служить будет верно...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 163–163об.]. В апреле 1727 г. посланец Дели-султана заявил российскому представителю Я. Татаринovu, что султан намерен *«Кубань взяв, в Крым идти, и в Крыму быть ханом. И ежели де русские с ними, то де они Азов и Тавань возмут. А Кубань де и горы все и без войны их будут»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 206об.]. При этом Бахты-Гирей выражал готовность служить императору Петру II, что выглядит с его стороны риторической уловкой. Поясним свою мысль: далеко за пределами Северного Кавказа и Калмыцкой степи Дели-султан являлся признанным военно-политическим лидером и авторитетным предводителем, опытейшим переговорщиком с российскими администраторами и с военными чинами, поднаторевшим в уговорах, в лицемерных обещаниях, в обманах собеседников, конечно, не собиравшимся переходить в подданство (холопство) к «белому царю».

Удачную и, вместе с тем, эмоциональную оценку этой харизматической личности дал в 1717 г. российский толмач Б. Шаров, видевшийся с Бахты-Гиреем: *«...а в словах своих оный султан зело непостоянен, бес, а не человек, только поношение человеком* (выделено нами. — Д. С.)» [Материалы ВУА 1871: 307]. Последовательно выступая в роли дестабилизатора ситуации на северокавказском порубежье, султан Бахты-Гирей был крайне опасным для России, Крыма и Османской империи самостоятельным участником сложной межимперской политической игры, сформировавшимся на волне развивавшегося в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Не замечая этого очевидного контекста, В.Т. Тепкеев напрасно приписывает действиям Бахты-Гирея и некоторым событиям из истории калмыцко-кубанских и калмыцко-крымских отношений характер *направленного* межимперского противостояния (*«Российская и Османская империя для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали приграничные народы друг с другом...»* [Тепкеев 2018в: 33]).

Документально не подтверждается и утверждение Ю.В. Приймака о причастности Порты к усилению власти Бахты-Гирея и к его действи-

ям по созданию якобы «сепаратистского анклава под эгидой Порты», тем более — «некого государственного образования» [Приймак 2011: 149]. Неверно расставлены указанным автором и многие другие акценты: при характеристике ногайского (кубанского) и калмыцкого вопросов и роли в них султана Бахты-Гирея [Приймак 2011: 148–151], к тому же ошибочно названного «самовластным сераскером». Так, по мнению Ю.В. Приймака, деятельность Бахты-Гирея развивалась в русле «скрытых экспансионистских устремлений Порты в направлении земель степного Предкавказья и Кабарды» [Приймак 2011: 149–150]. В действительности дело обстояло ровным счетом наоборот: Бахты-Гирей выстраивал свою систему сдержек и противовесов среди местных фронтальных элит, почти не соотнося свои действия с интересами османских и крымских правителей. Собственно, это и отражало многолетние амбициозные устремления этого человека, вполне сумевшего их реализовать на Северном Кавказе.

Стамбульский двор, наряду с Санкт-Петербургом и Бахчисараем, активно участвовал в нейтрализации Дели-султана и не поддерживал его специально; тем более, он не рассматривал его в качестве союзника в борьбе за влияние на народы Северного Кавказа. Без этого, собственно, невозможно понять и оценить феномен лидерства Бахты-Гирея, столь опасного для империй, и его многолетнего пребывания именно в кубанском регионе. Подробная аргументация данного утверждения содержится в наших с В.В. Грибовским многочисленных опубликованных работах о Бахты-Гирее. Новые аргументы в пользу указанной концепции приводятся ниже по тексту данной статьи.

Бахты-Гирей поддержал Джан-Темира (Тимура) Ширинского, отступившего на Кубань в 1725 г. после поражения мятежа, о котором написано выше. Спасаясь от ареста, мятежный Джан-Темир Ширинский случайно бежал именно к Бахты-Гирею, куда вскоре выступил и сам хан Менгли-Гирей II. Это происшествие вызвало обеспокоенность в Стамбуле, причем Порта поставила в известность о нем российского посланника [Фелицын 1904: 9], начав подготовку масштабной акции против Бахты-Гирея, включая отправку партии янычар в Азов [Фелицын 1904: 9–10]. Обращает на себя внимание мнение некоторых наблюдателей о готовности Бахты-Гирея с «Ширинбеем и с его партизанами» нанести удар по Крыму» [Фелицын 1904: 10–11]. В итоге войска Бахты-Гирея и Джан-Темира были разбиты, их предводители бежали в Малую Кабарду, причем калмыцкая знать, включая ханшу Дармабалу, отправила на Кубань посланцев для выяснения подробностей [Батыров 2006: 42]. К слову, Джан-Темир оставался на Северном Кавказе и общался с калмыками после гибели Дели-султана в 1729 г., однако не приобрел влияния и авторитета Бахты-Гирея. Еще весной 1726 г. Бахты-Гирей и Джан-Темир скрывались в «горах во владениях Абазинских черкес». Несколько позже, но «того же лета», Бахты-Гирея оттуда ушел, а Джан-Темир — остал-

ся, причем Дели-султан *«ему при уходе обещал, что придет калмыки его выручить»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 68 об.–69].

В том же году Дели-султан вновь вступил в борьбу за власть на Кубани, в который раз прибегнув к помощи калмыков. Тайши, оппозиционно настроенные к наместнику ханства Церен-Дондуку, находили прибежище на Кубани, откуда вместе с ногайцами Бахты-Гирея нападали на пограничные османские территории, укрываясь от преследования пограничных османских и крымских администраций в российских владениях. Недаром в документе тех лет встречаем мнение о том, что калмыки *«всегда желают»*, чтобы между россиянами и турками-османами война была для того, чтобы им под защитой российских войск *«под Кубань и под Крым ходить для воровства»*, и что они *«болши тиатца, чтоб мир нарушить...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244].

Так, только в 1726 г. калмыки совершили с Бахты-Гиреем несколько нападений на османский Азов [Цюрюмов 2007: 202]. Один из таких походов был совершен осенью 1726 г. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 41 об., 42], после чего Бахты-Гирей планировал направиться в поход против черкесов *для отгона овец*. А тогда, в октябре 1726 г., Бахты-Гирей и калмыки *«били»* под азовские слободы и *«взяли в слободах»* около 1 тыс. *«жителей мужеска полу и женска, и малых робят»*. Калмыцкую группировку численностью до 1 тыс. чел. возглавил нойон Дондук-Даши, оставшийся в степи и предусмотрительно отсутствовавший под Азовом. Азовские бешлеи сумели организовать погоню и захватить в плен нескольких калмыков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 66]. Бахты-Гирей и Дондук-Даши остановились *«на вершинах Манача»* близ Соленого озера, откуда Дели-султан направил Салат-Гирею и едисанцам предложение о мире, в противном же случае он выражал готовность *«воеватца»* с ними [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 66об.].

Крымский хан Менгли-Гирей II указывал в письме на имя генерал-фельдмаршала М.М. Голицына, полученном 3 февраля 1727 г., что Бахты-Гирей и Джан-Темир *«и ныне»* пребывают в *«Абазинских горах»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 16]. И хотя, скорее всего, информация о месте укрывательства обоих мятежников устарела, обратим внимание на следующую деталь: *«...только Бакты-Гирей в тех горах не живет много. Но по-воровски с оных гор съезжает в степь... где, совокупясь с калмыками, в кубанские страны и в перекопские степи завсегда ходит и ворует»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 16]. При этом хан сетовал, что если раньше отправлявшихся в набег калмыков было мало, то теперь их насчитывалось около 400 чел., которые захватили у крымцев множество рогатого скота и овец. В челобитной кабардинских князей Х. и И. Мисостовых на имя Петра I находим такие слова: *«Мы на поле в кошах стояли, как ваш, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из ево конских та-*

бунов 1000 лошадей отогнал» [История Кабардино-Балкарии 2005: 68]. В.В. Батыров справедливо заметил, что периодически у Дели-султана возникали трудности с финансами: *«Как обычно, Бахты-Гирей не платил своим людям (что не вполне верно, так как «плата» могла заключаться не только в денежном виде. — Д. С.). Платой за службу было его разрешение нападать на Кубань. Оно привлекало в лагерь Бахты-Гирея всех желающих быстро обогатиться»* [Батыров 2006: 44].

Не забывал Дели-султан и о себе, точнее, о поддержании собственной ресурсной базы, столь необходимой ему в борьбе за фактическую власть на Кубани и за привлечение самых разнообразных союзников. В ходе январского набега 1718 г. кубанцев на Черкасск под руководством самого Бахты-Гирея был захвачен *ясырь*, а также *«вещи»* и *«богач»* донских казаков [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1473. Л. 41–42]. В 1721 г. Бахты-Гирей вторгся в Большую Кабарду и угнал там *«в трех кабаках»* скот [АВПРИ. Ф. 115. 1722 г. Д. 5. Л. 6]. Недаром астраханский губернатор А.П. Волынский в письме Петру I от 5 декабря 1721 г. заметил, что *«лучшее богатство (у кабардинцев. — Д. С.) было скот, но и то все крымцы обобрали, а ныне князей кормят уздени, и всего их мерзкого жителя и описать невозможно»* [РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 30. Л. 129]. Летом 1717 г. состоялся мощнейший набег Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, в ходе которого было захвачено большое количество русского *ясыря*, позже отбитого донскими казаками [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 93 об.–94, 96, 102–103; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 44.]. В 1723 г. Р. Кайтукин, заручившись поддержкой Бахты-Гирея в борьбе со своими противниками, пообещал ему *«со всякого двора по два ясыря»* [Фелицын 1904: 5].

В декабре 1727 г. нойоны Бату и Бодонг с 4-тысячным отрядом совершили вместе с Бахты-Гиреем набег на Кубань, где захватили большое количество скота [Цюрюмов, Батыров 2006: 47]. Нападавшим тогда удалось отбить у ногайцев 20 000 лошадей, которых они отогнали в свои улусы [Фелицын 1904: 27]. В другой раз калмыцкая группировка, возглавляемая нойонами Бату, Бодонгом, Лубжой и Бахты-Гиреем, отбила на Кубани у едисанцев и джембуйлуковцев 11 226 лошадей, а также захватила 540 чел. [Фелицын 1904: 27–28]. Скот и люди также были отправлены калмыками в свои улусы, но, что примечательно, Дели-султан, судя по всему, не участвовал в разделе захваченного, судя по контексту документов, полностью доставшегося калмыкам. Однако вскоре калмыки помогли Бахты-Гирею вооруженным путем вновь обрести положение фактического правителя Кубани.

Если наша гипотеза верна, то оказанная Бахты-Гиреем услуга (участие в двух походах, захват скота/ясыря и, что более существенно, его отказ от своей доли) была возвращена ему калмыками с лихвой! Как мы видим, набеги и военные планы Бахты-Гирея носили различную на-

правленность, но, прежде всего, связанную с целенаправленным пополнением его ограниченной ресурсной базы, включая материальную. Для успешного решения более глобальных и стратегических задач султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, *но также регулярно охранять, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр.*, сохранять свои многолетние и устойчивые патронатно-клиентельные отношения с теми же номадами. Ясырь и скот можно уверенно отнести к числу ресурсов, очень важных для Бахты-Гирея и, одновременно, исключительно ценных в глазах столь необходимых ему союзников в лице военизированных сообществ.

Султан Бахты-Гирей продолжал умело вмешивался во внутрикалмыцкие усобицы: в 1726 г. он объединился с наместником Церен-Дондуком и направился громить донские городки, а также калмыков *«Четеря и Досанга Петра тайши»*, покинувших Калмыцкое ханство и откочевавших на Дон [Фелицын 1904: 4]. С помощью калмыков Дели-султан стал в 1726 г. готовить поход на Кубань, находясь *«за Кумой»*, причем данное известие серьезно обеспокоило российские власти [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 20об.–25]. В.П. Беклемишев стал предпринимать активные усилия для того, чтобы сорвать выступление калмыков на Куму к Бахты-Гирею. В конце 1726 г. подполковник В.П. Беклемишев доносил в Коллегию иностранных дел о том, что направил в улусы черноморского дворянина С. Казанцова к ханше, к Церен-Дондуку, к Шакур-ламе с письмами, чтобы они не помогали Бахты-Гирею войсками и не принимали бы его к себе, и на кубанцев бы войной не ходили [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36об.]. Среди калмыцкой знати начались разногласия по данному вопросу, а В.П. Беклемишев продолжил уговаривать Шакур-ламу [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 22об.–23., 136, 139]. В феврале 1727 г. Шакур-лама уверял В.П. Беклемишева, что ему с зайсанагами удалось остановить поход, и что Бахты-Гирей прислал к нему своего татарина с просьбой, *«чтоб он его не оставил и приговаривал бы владельцам, чтоб они шли войною на Кубань...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 139].

Салат-Гирей пытался, в свою очередь, договориться о ненападении с Церен-Дондуком. Его посланец передал Церен-Дондуку, *«чтоб они войною на Кубань не ходили, и обиды им, кубанцом, никакой не делали и взятое у них им возвратили...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 112]. Повторимся, что мнения калмыцкой знати об оказании помощи Бахты-Гирею разделились: *«Иные приговаривали идти, а другие отговаривали»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42]. Против похода выступили зайсанги Церен-Дондука и *«ближние люди Дарма-Балы»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36]. Еще в январе 1727 г. калмыки *«ни на кубанцов не пошли, ни в улусы не возвратились»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36]. Известия о готовящемся походе калмыков вместе с Бахты-Гиреем на Кубань встревожило крымского хана Менгли-Гирея II, объявившего генерал-

фельдмаршалу М.М. Голицыну о сборе войска в Крыму и на Кубани: «а начальник над тем будет один султан и переконский бей» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 17об.–18.]. Хотя многие нойоны все-таки привели своих воинов на Куму, но поход на Кубань был отложен [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 141].

Заметим, что нойон Дондук-Омбо и Бахты-Гирей пытались привлечь к походу кабардинцев, которые дали предварительное согласие. Обещая калмыкам поддержку со стороны черкесов (какой, все же, талантливый переговорщик!), Бахты-Гирей вновь стал уговаривать калмыков идти в поход на Кубань, но безрезультатно: «И войско всю зиму простояло без дела...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42об.]. Имеются сведения, что Церен-Дондук и Бахты-Гирей пытались выступить на кубанцев, но «за большими снегами» не сумели этого сделать, хотя пытались не «единожды» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 24об.]. Однако, перед окончательным уходом калмыков в улусы Бахты-Гирей стал просить калмыков оставить ему людей, что те и сделали: оставили 300 чел., в том числе 150 — из улуса Дондук-Омбо [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42об.]. Заметим, что кубанских «татар» при Бахты-Гирее находилось тогда немногим более 40 человек, и он снова сумел выйти из ситуации с нехваткой людей, поскольку постоянной ударной группировки у султана никогда не было! К слову, известны случаи, когда при Бахты-Гирее оставалось и 6, и 29 чел., что не мешало ему собирать новые силы и вынашивать амбициозные планы. Примечательно, что о дальнейших планах Дели-султана российский информатор ничего тогда сообщить не смог, поскольку «что намеряется делать (Бахты-Гирей. — Д. С.), того прежде времени не объявляет, и в одном месте болши дву дней не живет, опасается, чтоб ево не поймали» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 43].

В феврале 1727 г. российскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву пришлось выслушивать, как пишет А.В. Цюрюмов, «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах». Особенно турки негодовали из-за союза калмыков с Бахты-Гиреем, а также из-за захвата калмыками султанского посла Осман-мирзы аги, направлявшегося с письмом из Стамбула в Азов [Цюрюмов 2007: 202]. Императорской грамотой от 15 февраля 1727 г. Церен-Дондуку в числе прочих указаний запрещалось поддерживать Бахты-Гирея. После событий на Куме Салат-Гирей решил тоже активизировать действия против калмыков и Бахты-Гирея. В марте 1727 г. на калмыков напали кубанские ногайцы, отогнав у них в степи у «сарпинских вершин» 3 тыс. лошадей и несколько верблюдов [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 148об.]. Бахты-Гирей тогда оказал калмыкам крупную услугу, прислав из-за Кумы своих «послов» с известием, что кубанцы хотят их «воевать»: «И Дундук-Омбо своего улусу с калмыки собрався и прислал Бакчерге, и Бакчерга де своим велел збиратца ж и ехать для охранения своих улусов...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 149]. В конце марта 1727 г. Дели-

султан снова предупредил калмыков о том, что Салат-Гирей выступил с Кубани на калмыков с 10 000 воинов, что вызвало откочевку калмыков на луговую сторону Волги и отгон ими конских табунов [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 149об.]. Поход Салат-Гирея на калмыков, по сути, провалился, поскольку Волгу, рано вскрывшуюся ото льда, преодолеть не удалось: «*Волга уже худа была...и затем кубанцом нельзя было чрез Волгу переехать*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 152об.].

На обратном пути одна из групп кубанцев численностью 94 чел. подверглась нападению самого Бахты-Гирея. Дели-султан быстро выступил с Кумы и разбил противника за Маньчем, «*дошед до реки Донгузду*»: 17 чел. попали в плен, остальных — «*побили*». После этого султан отправил в Царицын двух калмыков с двумя бывшими русскими пленниками, заявив, что впредь собирается извещать коменданта о возможных выступлениях со стороны кубанцев, поскольку имеет с ними «*ссору немалую*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 167]. Таким образом, слова В.В. Батырова о том, что Дели-султан «*добровольно взял на себя обязательства по охране границ России от набегов кубанцев*» [Батыров 2006: 47] являются преувеличением.

Другое дело, что в 1727–1728 гг. российские власти активизировали действия по «нейтрализации» непредсказуемого Дели-султана, рассматривая самые разные варианты: от его призывания в «протекцию» империи до организации заказного убийства. Однажды вернулись ни с чем нанятые генерал-майором А. Таракановым для убийства Бахты-Гирея трое калмыков, которым в случае успеха обещалась огромная сумма в 5 тыс. руб. [Батыров 2006: 48]. Отметим исключительную осторожность Дели-султана во время кочевания с одной территории на другую, а также во время остановок между кочеванием/походами.

Между тем, российскими властями предполагались и более «щадящие» меры по усмирению Дели-султана. Например, генерал-фельдмаршал М.М. Голицын писал В.П. Беклемишеву, что если Бахты-Гирей согласится войти в протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159], то его следует отвезти в город, который подполковник сам «*за способнее разсудит, и там бы ево содержать тайно до указа, дабы не проведали на Кубане и в Азове*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159–159об.]. Другой вариант содержания Бахты-Гирея предполагал его отправку в Хоперскую крепость. Заметим, что, если начать с событий более раннего времени, то российские власти все-таки рассчитывали переманить Бахты-Гирея в российское подданство. За несколько лет до описываемых событий обер-коменданту г. Астрахани был послан указ, предусматривавший, что если Дели-султан пожелает быть «*под рукой*» Петра I и кочевать близ Астрахани, то с ним следует ласково обходиться [РГАДА. Ф.89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 2]. Правда, в 1718 г. черкесы, поделившиеся информацией с кабардинцами, собирались поймать Бахты-Гирея, чтобы «*в том его царскому величеству службу свою показать*» [РГАДА.

Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 26–28об.]. А вот в рамках конкретной для российских властей «проблемы Бахты-Гирея» 1720-х гг. наблюдаются более радикальные способы ее решения. Такой «новый» для российских администраторов и военных чинов подход отражал серьезнейшее отношение России к реально возросшему влиянию Бахты-Гирея на дестабилизацию обстановки в южном пограничье и даже за его пределами, к масштабу его «подрывных» действий против империи. Недаром обнаружилось опасное для России связи Бахты-Гирея даже с башкирами [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 245], о чем можно встретить отрывочные упоминания в литературе [Очиров 2002: 80].

Российские власти неслучайно активизировались в связи с готовившимся походом Бахты-Гирея и калмыков на Кубань, решая в начале 1727 г. вопрос о его «перезывании» или поимке, или убийстве. От Царицынской линии в степь тогда были отправлены две «партии» во главе с капитанами Державиным и Елагиным [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21об.]. Кроме того, В.П. Беклемишев («который у калмыцких дел») должен был добиваться личной встречи с Дели-султаном. Другой подполковник — И.М. Квашнин-Самарин — был определен М.М. Голицыным в Транжамент для принятия комиссии о призыве Бахты-Гирея под российскую протекцию.

Впрочем, еще 17 ноября 1726 г. был издан императорский указ, «пущенный» через Верховный тайный совет, в котором тоже шла речь о призывании Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского в российскую протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 71]. В нем содержались инструкции, доведенные до исполнителей в начале 1727 г. Так, В.П. Беклемишеву, если тому станет известно о возвращении Бахты-Гирея из похода или о его пребывании в калмыцких улусах, надлежало ехать туда в «самой скорости» и «трудитца и призывать ево, Бакты-Гирея, а ежели с ним и Джантемира Ширинбея под протекцию всякими возможными образы, хотя и не требуя от них в том письменного или какова другава обнадешивания...» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 73]. Подобные действия повелевалось чинить осторожно, «дабы не могло произойти эха до Азова и протчей турецкой области...». Императорский указ от 15 февраля 1727 г., полученный генерал-фельдмаршалом князем М.М. Голицыным 27 февраля того же года, также предполагал меры по призыванию Бахты-Гирея в российскую протекцию: «А ежели не пойдет, **то б поймать или хотя и убить...** (выделено нами. — Д. С.)» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21]. 29 марта 1727 г. князь М.М. Голицын рапортовал не только о срыве похода калмыков на Кубань, но также об отправке В.П. Беклемишеву указа о поимке или об убийстве Бахты-Гирея в случае его отказа принять российскую протекцию. В таких условиях Дели-султан действительно мог опасаться за свою жизнь; причем, «имея страх, дабы не был пойман», Дели-султан никогда не кочевал на одном месте более двух суток [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 26].

Дальнейшее развитие ситуации нашло отражение в аналитической переписке подполковника и царицынского воеводы В.П. Беклемишева с вышестоящим начальством. В частности, он отмечал, что если сам Бахты-Гирей не пойдет на примирение, то его поимка с помощью российских войск представляется ему недостижимой задачей, так как Дели-султан *«ото всех в страхе на одном месте не живет и не бес караулов ж у него»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255]. Если же попытаться застать его врасплох, то Бахты-Гирей со своими людьми, как точно выразился В.П. Беклемишев, *«для таковых случаев... имеют они лошадей резвых. И сколько от кубанскова салтана за ним посылаемы, но и от всех ухораниваетца, а когда и наезжали, то уходят»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. 255об.]. Подполковник скептически отнесся к поиску наемных убийц среди калмыков, как знатных, так и простых. По его мнению, если кто-то из простых калмыков решится застрелить или зарезать Дели-султана, то ему *«самому убиту быть»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. Поимку Бахты-Гирея, часто бывающего на Куме, В.П. Беклемишев предлагал поручить донским казакам, которые там живут и занимаются звериной ловлей [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255об.]. При этом он полагал возможным объединить усилия с кубанцами и даже с Салат-Гиреем для поисков Бахты-Гирея в степи [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255 об.–256].

В инструкции И. Бахметеву, данной из Коллегии иностранных дел на основании императорского указа, «состоявшегося» в Верховном тайном совете 24 января 1728 г., вновь предусматривались разные меры по нейтрализации султана, вплоть до убийства. Для решения этого вопроса капитану лейб-гвардии Ивану Шувалову надлежало иметь секретный разговор с атаманом Войска Донского А. Лопатиным, для начала попытавшись призвать султана в российскую протекцию. В случае же отказа следовало поймать или убить его, *«ибо на то убийство... есть желание и повеление от стороны турецкой, за что повелено обещать им донским казаком некоторую сумму»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 30. Л. 10]*. Причем, судя по всему, речь шла о другом случае, нежели об описанном нами выше, когда того же А. Лопатина привлекли к организации убийства Бахты-Гирея с помощью донских калмыков.

Возвращаясь к истории с реализацией императорского указа от 17 ноября 1726 г., отметим, что исполнительный В.П. Беклемишев продолжал добиваться личной встречи с Бахты-Гиреем. Несмотря на определенные трудности и на некоторое противодействие со стороны ханши Дармабалы, опасавшейся перехода Бахты-Гирея под российскую протекцию [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 33, 55–55об.], встреча все-таки состоялась 14 июля 1727 г. Случилось это при посредничестве нойонов Бату и Дон-

* За указание на документы в данном архивном деле из фонда И-36 НАРК благодарим к.и.н. А.А. Курапова.

дук-Даши (названного брата Дели-султана!), переправившихся к Бахты-Гирею с помощью В.П. Беклемишева на нагорную сторону Волги [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 57об.]. В разговоре с султаном В.П. Беклемишев передал ему все российские предложения о принятии *«высокой протекции Е.И.В.»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 83об.]. Любопытная деталь: незадолго до того российский представитель известился о приезде хатай-кипчаков к Бахты-Гирею для *«призывания»* его на Кубань. Дели-султан высокомерно ответил мурзам, что они призывают его не вовремя, ибо его приглашают перейти в российскую протекцию, *«и потому де кубанцы и без нужды будут ево...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 41об.].

Между тем, во второй половине 1727 г. Бахты-Гирей вновь уговаривал калмыков выступить с походом на Кубань. 14 июля 1727 г. с Кубани прибыли его посланцы, сообщая, что *«некоторая партия»* ждет его там с радостью, *«а протчие ж zelo опасаются»*. Тогда Дели-султан стал призывать калмыцких нойонов быстрее отправляться на Кубань. В итоге *«все до одного»* владельцы присягали между собой, решив принять у себя Бахты-Гирея (в отсутствие императорского указа!) и *«воевать»* едисанцев, джембуйлуковцев и кубанцев [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 84об.]. Соответствующие уговоры калмыков со стороны Бахты-Гирея продолжились и в дальнейшем [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 214 об.–215]. Пытаясь увлечь калмыков к началу похода, расчетливый Бахты-Гирей в том же 1727 г. стал кочевать близ *«Митешкина острова»* на нагорной стороне Волги, что вызвало откочевку к нему части калмыков с луговой стороны Волги: *«...и кочуют близ Бахты-Гирея, а и прочие их калмыцкие войски походом на Кубань не замедлят»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 239]. Кубанским же татарам он жестко заявлял, что если те хотят воевать с ним, *«тоб в том стояли, а буде хотят поддаться под владение его, то б о том дали ему знать»* [Фелицын 1904: 22]. На решение калмыков о поддержке Бахты-Гирея, помимо фактора его авторитетного мнения и настойчивых уговоров, мог также повлиять направленный против них весенний поход султана Салат-Гирея. В любом случае, российское правительство уже не могло удержать калмыков от похода ни уговорами, ни угрозами, ни запретом продавать им порох и свинец [Батыров 2006: 48].

В поход на Кубань выступили со своими воинами многие нойоны, включая Дондук-Омбо, Дондук-Даши и Дасанга, а также войска наместника Калмыцкого ханства — Церен-Дондука. Отметим характерный для Бахты-Гирея прием по выстраиванию ситуативно выгодных ему комбинаций: он попытался привлечь дополнительный воинский контингент для усиления калмыков в лице кабардинцев [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 157 об.–158]. Вероятно, одним из мероприятий начинавшегося похода стало вторжение Бахты-Гирея вместе с нойонами Бату и Бодонгом на Кубань в декабре 1727 г., где было захвачено большое количество

скота [Цюрюмов 2007: 202]. Для начала (или после этого?) Бахты-Гирей соединился с несколькими зайсангами при урочище Донгузла в 3 тыс. чел. «*наперед на приступ*», а Церен-Дондук выступил следом со всем войском [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 315].

Обратим внимание на то, каким образом повел себя перед возможным столкновением с калмыками султан Салат-Гирей. Он выступил с войсками в количестве 1 600 чел. навстречу противнику и «*стал у Бакты-Гиреева тестя Азамат-мурзы*», отправив нарочного к калмыкам [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 344] спросить у них о причине прихода. При этом он твердо заявил, «*...что он на Кубане командует по указу крымского хана, а Бакта-Гирей де отогнан с Кубану по крымскому ж указу*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 344 об.–345]. Церен-Дондук ответил, что он пришел, «*чтоб Бакти-Гирея султана **оставить на Кубане по-прежнему султаном*** (выделено нами. — Д. С.)» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 345]. Насколько известно из источников, боестолкновения не случилось, и Салат-Гирей отступил.

После этого Церен-Дондук оставил Бахты-Гирея «*у реченного тестя его Азамат-мурзы в городке Копыле*» с 1 тыс. калмыков. К слову, документы о тесте Дели-султана позволяют вновь актуализовать дискуссию о составе его семьи и о «брачной дипломатии» султана, начатую нами в одной из статей [Сень 2016б: 470]. Оказывается, Копыл неслучайно интересовал Бахты-Гирея и в 1728 г., и много раньше, например, еще в 1717 г. Тогда к этой крепости тяготела какая-то ногайская группировка, с которой Дели-султан был связан через брачные узы с дочерью ногайского Азамат-мурзы. Примечательно, что небезопасные для Дели-султана хатай-кипчаки, а также джембуйлуковцы остались на Кубани при том же Азамат-мурзе, приняв Бахты-Гирея через «пересылку» с Церен-Дондуком к себе в Копыл «*за владельца*», в чем ему и присягали [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 345]. Салтанаульцы же примкнули к Салат-Гирею. Правда, в другом источнике говорилось, что Салат-Гирей ушел в горы с салтанаульцами и с джембуйлуковцами, а едисанцы и хатай-кипчаки присягнули Бахты-Гирею.

Благодаря калмыкам Бахты-Гирей вновь упрочил свою неофициальную власть на Кубани (основу его действительно феноменального положения в системе власти Крымского ханства), которую он упорно выстраивал в течение многих лет. Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили А. Иванову и Я. Татаринову, что стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «*однако ж **зделали ползу*** (выделено нами. — Д. С.), *понеже Бакта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном*» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323]. При этом очевидцы свидетельствовали, что большая часть калмыков шла «*теши, а лошади их едва и простые брели*», что люди питались невейной пшеницей,

«которую они в воде разводя, и разболтавши, пили» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323].

Дальнейшие события показали, что обоим султанам была выгодна временная передышка: Салат-Гирей и Бахты-Гирей *«через пересылку присягами утвердились, что быть им в согласии и одному противу другога не воевать»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 324]. Интересно, что крымский хан Менгли-Гирей II так и не выступил против калмыков, ограничившись соответствующим письменным требованием к киевскому губернатору князю Трубецкому [Цюрюмов 2007: 203], и был вынужден тогда примириться с Бахты-Гиреем. Однако хатай-кипчаки, действовавшие якобы по *«присылке»* от Салат-Гирея (впрочем, со счетов нельзя сбрасывать застарелый конфликт хатай-кипчаков и Дели-султана, уходящий корнями в 1723 год, если не раньше!), вскоре вознамерились схватить Бахты-Гирея и передать его Салат-Гирею. Осторожный Бахты-Гирей вновь избежал опасности, укрывшись с шестью своими людьми в горах [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 347об.].

Наместник Церен-Дондук, узнав о поражении Бахты-Гирея, *«зело был печален, понеже они с ним весьма дружны»*, а когда прошлой зимой (т. е. 1727–1728 гг.) они направлялись в поход на Кубань, то *«кочевали обще»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. Султан Салат-Гирей сумел оперативно собрать войска после своего бесславного отступления, намереваясь окончательно расправиться с Бахты-Гиреем. Из доношения Я. Татаринова полковнику И.Д. Бахметеву от 13 апреля 1728 г. следует, что при Салат-Гирее в то время находились едисанцы, запорожцы и черкесы, всего *«тысяч з десять»*, а также *«вора Игнашки Некрасова сын Мишка з донскими казаками во шти стах человеках»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 335]. Быть может, параллельно с готовящимся наступлением на Бахты-Гирея Салат-Гирей действительно вступил в контакт с хатай-кипчаками, судя по всему, нелояльно относившимися к Бахты-Гирею.

В какой-то степени виной тому оказался сам... Бахты-Гирей. Дело в том, что вскоре после своей фактической победы над султаном Салат-Гиреем он стал уговаривать калмыков покинуть Кубань и уйти в свои улусы. Дели-султан сообщил своим давним союзникам о якобы готовящемся нападении многотысячного войска Салат-Гирея на калмыцкие улусы, что ускорило отход с Кубани калмыцких воинов и знати. При этом верный себе и своему статусному положению Бахты-Гирей снабдил калмыков пищей, выдал им по одному бычку и по одной суме невяной пшеницы на 10 чел. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 378об.]. *«И тако они владельцы с ним утвердяся присягами, возвратились к своим улусам, а при нем Бакты-гирее оставили Яманова родственника зайсанга Череня Отхаева (который и прежде бывал при нем) и командированных... Калмык 450 человек...»* [Фелицын 1904: 36]. Кроме того, предусмотрительный Дели-султан отправил вместе с возвращавшимися

домой калмыками 10 своих человек, чтобы те «уведали», какая последует с российской стороны реакция на кубанский поход, и не будет ли чего чиниться калмыкам [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 324]. Но о каких присягах шла выше речь, и что еще могло связывать калмыков с Бахты-Гиреем в ходе похода на Кубань? Невольно обращает на себя внимание тот факт, что вопрос о едисанцах и джембуйлуковцах тогда явно отошел на второй план в отношениях сторон...

У.Б. Очиров полагает возможным говорить о совпадении интересов калмыцкой знати и Бахты-Гирея по вопросу создания некоего государства, которое Дели-султан полагал видеть на берегах Кубани, а с 1727 г. он якобы стал включать в свой будущий политический проект и Крымский полуостров [Очиров 2002: 81]. Напротив, мы считаем, что сама идея формальной легитимной власти (прежде всего, государственной власти) противоречила той оригинальной системе социальных и иных отношений, которую Бахты-Гирей сумел выстроить на Северном Кавказе ценой многолетних приобретений и потерь. Пересекая/нарушая границы, откидывая условности, необходимые в межгосударственных отношениях, Дели-султан именно в условиях «вакуума» официальной власти стал наиболее заметным лидером на Кавказе в указанный период. Неоднократно лишавшийся официальных должностей, он в течение 1710-х–1720-х гг. оставался едва ли не главным самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся далеко за его пределы. Говоря другими словами, создание нового государства противоречило его идеалам, ценностям и, главное, его установке на безграничный контроль над пограничной жизнью региона, раздираемого внутренними усобицами и борьбой за влияние сразу нескольких государств и самых разных местных этнических элит. Что касается калмыцкой знати, то с помощью Бахты-Гирея она стремилась расширить пространство очередного политического маневра, новых жизненных планов, как для себя, так и для своих подданных, не спешивших отказываться от набеговых практик.

Мы обнаружили в НАРК несколько документов, позволяющих дополнительно аргументировать авторскую точку зрения. Оказывается, что между калмыками и Бахты-Гиреем в ходе или даже до начала кубанского похода 1728 г. была достигнута договоренность о том, что после того, как Бахты-Гирей станет «действительным султаном» и завоеует кубанцев, «и тем усилится, и тогда б ему Дондук-Омбе и с улусом своим отсюда от кочевьев к нему Бакта-Гирею и жить тамо, в чем де и присягами утвердились» [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348]. В 1732 г. Дондук-Омбе сумел-таки увести часть подвластных ему калмыков на Кубань [Цюрюмов 2007: 206–217], что ознаменовало начало одного из самых серьезных кризисов в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки. Свой интерес на «кубанском направлении» имелся так-

же у наместника Церен-Дондука. Он также договорился с Бахты-Гиреем, что если тот усилится на Кубани, *«то всем калмыцким улусом зимовать и летовать между рек Волги и Кубани, и ему Бахти-Гирею их калмыков охранять, а им калмыком... то ж чинить»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348об.]. Что касается самого Бахты-Гирея, то, по всей видимости, он не собирался отказываться от выгодного ему во всех отношениях положения фактического «правителя» Кубани. Возможно, что на излете своего жизненного пути Дели-султан все же переоценил свои возможности и степень покорности подвластного ему ногайского населения Кубани.

Очередное возвращение Дели-султана на Кубань в качестве фактического правителя вызвало оживленную переписку среди встревоженных российских властей [Фелицын 1904: 37]. Кубанский поход привел к очередному дипломатическому конфликту между Россией и Османской империей, о чем резидент И.И. Неплюев доносил уже 23 февраля 1728 г. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 297–298об.; Д. 29. Л. 56–56об.]. Порта грозила России активизацией военных действий со стороны крымского хана, а российские власти поручили все тому же В.П. Беклемишеву *«отвращать»* калмыков от похода и обязательно *«сыскать»* Церен-Дондука. Но усилия российских властей оказались тщетными и запоздалыми... Более того, новая *«конференция»* И.И. Неплюева с османскими дипломатами, состоявшаяся 13 мая 1728 г., снова была посвящена калмыцким делам, поскольку Бахты-Гирей в союзе с калмыками продолжал разорять османские территории [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 127–128]. Обращает на себя внимание позиция крымского хана Менгли-Гирея II, писавшего генерал-фельдмаршалу В.В. Долгорукову и требовавшего *«в соединении с татарами войск для искоренения Дели-салтана и протчей его партии»*, а также утверждавшего, что И.И. Неплюев якобы дал на это свое согласие в Стамбуле. Последние слова хана особенно задели российского резидента, возмущавшегося, что такого никогда *«в словах не бывало»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 128об.]. Хан отправил также указ *«кабардинскому сераскеру»* следовать за Бахты-Гиреем даже на российской территории!

Российский резидент отрицательно отозвался о намерениях крымского хана, полагая, что *«таковые ханские поступки весьма дружбе несходны»*; к тому же *«невозможно, чтоб российскому войску с татарами соединяцца...»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 128об.–129]. И.И. Неплюев считал необходимым, чтобы Порта запретила кабардинцам и кубанцам вступать в российские границы *«ни за Бахти-Гиреем, ни за калмыками»!* И все равно — многие в Стамбуле твердили, что Дели-султан продолжает свое *«возмущение»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 138об.], и что *«татара к нему болии склонны, нежели к хану»*. Исключительны важны слова российского дипломата о том, что хана

в Крыму еще нет, и что турки сомневаются, будет ли он воевать с Бахты-Гиреем *«по единоверию»*. И крымский хан Менгли-Гирей II *«того ради дает знать Дили-султану, чтоб он удовольствовался в Кабарди и в Кубане сераскером или при хане калгою»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 129об.]. Наконец, обращает на себя внимание осторожный тон предположений турок-османов: *«А оружием ево победят, или инако сии дела обойдутца, того впредь видеть невозможно»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 129об.].

Правда, из султанского указа (между 1 и 10 мая 1728 г.) мутасаррифу Охридского санджака (идентичные по содержанию указы были отправлены мутасаррифам Искендерийского и Дукакинского санджаков) следует, что Порта намеревалась вооруженным путем помочь Крыму ликвидировать мятеж Бахты-Гирея, объединившегося с калмыками и пришедшего на Кубань *«сеять смуты и мятежи»* [Osmanlı Belgelerinde Kıym Hanlığı 2013: 127]. Не о кубанском ли походе 1728 г. калмыков и Бахты-Гирея шла речь в документе? Заметим, что Порта уже вторично направила адресату повеление выступить со своими людьми, которым надлежало прибыть в распоряжение мухафыза Еникале Ипшир Хюсейн-паши, назначенного главнокомандующим османскими войсками [Osmanlı Belgelerinde Kıym Hanlığı 2013: 127].

Насколько известно, Бахты-Гирей не принял вышеприведенного предложения хана Менгли-Гирея II, так и оставшись на Северном Кавказе вплоть до своей гибели в 1729 г. Другое дело, что перед нами — одни из последних известных на сегодня свидетельств о военном сотрудничестве калмыков с Бахты-Гиреем после их совместного масштабного похода на Кубань 1728 г. О резком (одномоментном) спаде такого взаимодействия, по крайней мере, применительно к событиям середины 1728 г., говорить преждевременно. Впрочем, в следующем, 1729 г., оно прекратилось вовсе. Согласно нескольким свидетельствам, султан Бахты-Гирей, которому тогда было более 40 лет (предположим, что даже около 50 лет, поскольку не мог он подростком отправиться из Крыма для управления Кубанью, как известно из выявленного нами архивного источника 1700 г. [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12]), погиб в Кабарде в 1729 г. [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1731–1732 гг. Д. 2. Л. 113; Бакунин 1939: 231–232; Якубова 2005: 116].

Таким образом, на протяжении второго и третьего десятилетий XVIII в. (до 1729 г.) кубанский султан Бахты-Гирей оставался одним из важнейших действующих лиц в сложнейших военно-политических комбинациях на Юге, которые элиты пограничных обществ (в том числе калмыки) осуществляли в скрытой и в явной борьбе со своими имперскими сюзеренами, организуя регулярные набеги на российские и крымско-османские пограничные территории. В течение указанного времени Бахты-Гирей являлся едва ли не единственным

самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся за пределы данного региона.

В статье был приведен новый материал, доказывающий, что даже во второй половине 1720-х гг. власти сразу трех государств (России. Крымского ханства и Османской империи) целенаправленно, в том числе на высшем уровне, осуществляли ряд мероприятий, направленных лично против Бахты-Гирея. Сознательно нарушая новые границы, пренебрегая правовыми условностями, необходимыми крупным игрокам в межгосударственных отношениях, привлекая к себе всех недоброжелателей новым пограничным порядком, Дели-султан сумел утвердиться на Кубани в условиях «вакуума» официальной власти. С конца XVII в. Бахты-Гирей стал выстраивать собственную систему отношений с кочевыми и с другими народами Северного Кавказа, Поволжья, сохранение традиционного уклада жизни которых было немыслимо без фронтирного (другими словами — неустойчивого/неконтролируемого, с точки зрения империй) состояния причерноморской степи и ряда кавказских территорий.

Система таких отношений, неотъемлемой частью которой являлись реципрокции (практики обмена дарами и услугами), активно распространяемые Бахты-Гиреем на пограничные сообщества, стала основой его неофициальной (с точки зрения государства — *нелигитимной*, вместе с тем — *фактической*) власти на Кубани, наиболее привлекавшей его как амбициозного военного лидера. Феномен нелигитимной власти Бахты-Гирея оказался теснейшим образом связан с вышеуказанными реципрокциями, функционально направленными на общественное признание авторитета личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т. е. самого Дели-султана. Вероятно, исключительная привлекательность и достигнутая им опытным путем *контролируемость* такой власти (не зависящая от воли крымских ханов, турецкого султана и других важных факторов) так и не позволила султану-чингисиду окончательно закрепиться в Крыму и стать крымским ханом.

Для поддержания и удержания своей неофициальной власти султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, но также защищать, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр., всячески сохраняя с теми же номадами устойчивые патронатно-клиентельные отношения. В ходе многолетнего взаимодействия со своими потенциальными союзниками и противниками Дели-султан эффективно использовал угрозы, аманатство, разные формы договорных отношений, в том числе клятвы, обмен информацией, переписку, устные угрозы и обещания, переговоры, а также неформальные связи с местными элитами.

Успешность своих многочисленных набегов Бахты-Гирей последовательно конвертировал в военные, материальные и социальные ресурсы, целенаправленно создавая оригинальную систему социальных реципрокций, активно вовлекая в нее не только местные элиты, но и рядовое население многочисленных пограничных сообществ. Ясырь и скот необходимо отнести к числу ресурсов, жизненно важных для Бахты-Гирея и, одновременно, исключительно ценных в глазах необходимых ему союзников в лице военизированных сообществ.

При этом, как выяснилось, авторитет Бахты-Гирея базировался в их среде, не в последнюю очередь, на символическом осмыслении его комплиментарных характеристик как удачливого предводителя, как щедрого правителя и отважного воина, неуязвимого для врагов. Подобные культурные представления о Бахты-Гирее носили *массовый* характер именно в калмыцком обществе, на что необходимо обратить внимание в ходе дальнейшего изучения темы. Репутация, созданная Бахты-Гиреем в ходе организации серии успешных набегов, составляла, таким образом, существенную часть его ресурсного капитала, которым он успешно пользовался, закономерно оставаясь в течение длительного времени на гребне военно-политической истории Крымского ханства, Калмыцкого ханства, а также народов Северного Кавказа.

В исторической динамике мы показали и объяснили, почему и каким образом именно калмыки приняли самое деятельное участие в формировании репутационного и символического капитала султана Бахты-Гирея, том числе выразившегося в его образе «необыкновенного» человека и отважного, щедрого, удачливого военного предводителя. В статье были определены рубежные точки в истории взаимоотношений калмыков и Бахты-Гирея, характер и причины стратегического сотрудничества сторон, берущего свое начало примерно в 1723–1724 гг. При этом, было обращено внимание на то, что изначально, еще при хане Аюке, взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея регулярно носили конфронтационный характер. Однако, именно калмыки (не ногайцы и не кабардинцы!) стали *последовательно* поддерживать мятежного султана с середины 1720-х гг., способствуя продолжению его политической игры и борьбы за власть на Кавказе и в Крыму, а также осуществлению регулярных набегов на огромную по охвату территорию — от Причерноморской степи до Северо-Восточного Кавказа. Феномен военно-политического сотрудничества калмыков и Бахты-Гирея, впрочем, не дает оснований для утверждения о попытках создания ими некоего государственного образования на Кубани. Другое дело, что даже последняя по времени попытка Бахты-Гирея вернуть свою власть на Кубани (1728 г.) теснейшим образом оказалась связана с его поддержкой калмыками, в изучении которой появились новые исследовательские перспективы.

Источники

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ (АВПРИ).

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. VII+424 с.

Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871. Т. 1. 846 стб., 50 с. разд. паг.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком., 1904. Т. 1. 306 с.

Храбрый Мазан — калмыцкая народная сказка [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://skazkibasni.com/xrabryj-mazan>. Дата обращения 02.08.2019 г.].

Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Владимир: Типо-лит. Губ. правл., 1903. Т. 2. 1168 с.

Desaive Dilek. Le Khanat de Crimée dans les Archives ottomans. Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümayûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 4 (Octobre-décembre). P. 560–583.

Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaive, Chantal Lemercier-Quelquejey. Paris — Den Haag: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales — Mouton Editeur, 1978. 458 p.

Osmanlı Belgelerinde Kıym Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents. Istanbul, 2013. 359 s.

Литература

Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 40 с.

Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71–88.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступков их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. 1939. Т. 3 (94). С. 191–254.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Изд. 2-е. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 152 с.

Батыров В.В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях между Калмыцким и Крымским ханствами в XVIII в. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С. 36–52.

Грибовский В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // *Wschodni Rosznik Humanistyczny*. Т. VIII [2012]. S. 85–116.

Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // *Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств*. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.

История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. ст. и док. / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 904 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.

Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. 268 с.

Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр, 1995. 240 с.

Очиров У.Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII века // *Вестник КИГИ РАН*. Вып. 17. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 77–85.

Очиров У.Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2008. Т. 2. № 2 (17). С. 98–102.

Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.

Сень 2016а — *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 3. С. 54–59.

Сень 2016б — *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // *Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: Сборник научных статей: Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. С. 457–473.*

Сень Д.В., Грибовский В.В. Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османо-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // *Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.)*. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. С. 635–649.

Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 гг. // *Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в Астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н.К. Крупской 27 сентября 2004 г.* — *Астраханское востоковедение*. Астрахань: [Аф ВАГС], 2006. Вып. 1. С. 33–43.

Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.)

Тепкеев 2018а — *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Тепкеев 2018б — *Тепкеев В.Т.* Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 1. С. 62–69.

Тепкеев 2018в — *Тепкеев В.Т.* Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 15–34.

Фидарова Р.З. Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и рол внешних факторов в его обострении (1720–1725) // *Исторический вестник*. Нальчик, 2007. Вып. 5. С. 29–47.

Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общей ред. Н.С. Сейтягяева. Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. 192 с.

Шараева Т.И. Этнические маркеры калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 288 с.

Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. По материалам кумыкско-калмыцких контактов // *Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов Северо-Кавказского регионального отделения МНАБ / Гл. ред. С.И. Муртузалиев*. Вып. 2(9). Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2004. С. 229–236.

Якубова И.И. «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // *Исторический вестник*. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2005. Вып. 2. С. 114–125.